

Хо Уцзю и представить не мог, что Цзян Суйчжоу, напившись, окажется таким неугомонным.

Стоило ему осушить полкувшина, как хмель окончательно взял свое: принц сделался необычайно словоохотливым. Похоже, он был в восторге от успеха своего дела и теперь без умолку выкладывал Хо Уцзю все подробности своих многодневных интриг. По мере того как опьянение усиливалось, память начинала ему изменять, и он, словно заведенное колесо, принимался пересказывать одно и то же по кругу.

Несмотря на обилие слов, голос его оставался тихим и мягким. В этой хмельной речи не было грубости — она обволакивала, точно весенний ветерок, и баюкала своей доверительной нежностью.

Хо Уцзю терпеливо поддакивал, наблюдая, как принц начинает покачиваться из стороны в сторону, а его речь становится всё более невнятной. Понимая, что тому еще возвращаться к себе, Хо Уцзю пожалел, что вовремя не заменил пиалу на кубок, и теперь, наливая вино, едва прикрывал им дно.

Впрочем, Цзян Суйчжоу быстро заметил подвох. Его взгляд, подернутый влажной дымкой, сфокусировался на столе, и он указал пальцем на две пиалы.

— Это... это просто несправедливо! — заявил он.

Пиала перед Хо Уцзю была полна до краев, в то время как перед ним самим плескалась лишь жалкая капля.

Хо Уцзю попытался схитрить:

— Это то, что ты не допил в прошлый раз.

Цзян Суйчжоу долго и сосредоточенно разглядывал пиалу, словно пытаясь что-то вспомнить, а затем вдруг расплылся в сонной улыбке.

— Ах, забыл... — протянул он медленно. — Прощу прощения, это я... я проявил неучтивость.

И прежде чем Хо Уцзю успел его остановить, он схватил пиалу и осушил её одним махом. У генерала невольно дрогнула бровь.

«Такой доверчивый и такой честный... Если он будет так пить с кем-то чужим, его же зашибут», — подумал он.

Видя, что пиала снова пуста, Хо Уцзю плеснул в неё еще крохотную каплю. Цзян Суйчжоу пробормотал еще пару фраз, а потом вдруг удивленно замер, глядя в свою чашу.

— Я что... я снова не допил? — спросил он и потянулся к вину.

Хо Уцзю поспешно перехватил его запястье, забрал пиалу и отодвинул подальше.

— Ты рассказывал, как Чжао Дуньтинь рыдал перед императором Цзян Шуньхэном? — перевел он тему.

— А-а! — Цзян Суйчжоу мгновенно забыл о вине, и на его лице снова засияла улыбка. — Министры говорили, что он рухнул на колени прямо перед ступенями трона и завыл так, что слезы брызнули градом. Император даже испугался, решил, что у того вся семья померла!

Тут он торжествующе вскинул брови:

— Он-то думал, что играет гениально, что никто и никогда не подкопается... Не знал, бедняга, что «пока богомол охотится на цикаду, сзади притаилась иволга»...

Эту фразу Хо Уцзю слышал за вечер уже в четвертый раз. Обычно он не отличался терпением; когда подчиненные докладывали ему дела, они заранее взвешивали каждое слово, боясь вызвать его гнев своей многоречивостью. Но сейчас он, к собственному удивлению, с удовольствием слушал это «заведенное колесо».

Может быть, дело было в том, что, опьянев, принц Цзин отбросил все маски, обнажив под лисьей шкурой свою истинную натуру — спокойную и светлую. А может, ему просто нравился сам голос принца — непохожий на другие, он напоминал речь наставника, читающего лекцию: неспешную, размеренную и удивительно уютную.

Или же... его просто подкупала эта искренняя, неприкрытая радость. Глаза Цзян Суйчжоу так сияли, что от них невозможно было отвести взгляд.

Хо Уцзю незаметно допил остатки вина. Луна уже поднялась высоко, и огни во дворе начали гаснуть один за другим. Несмотря на все старания генерала контролировать процесс, Цзян Суйчжоу окончательно развезло. Он уткнулся лицом в сгиб локтя, оставив на виду лишь мерцающие влажным блеском глаза, которыми туманно взирал на Хо Уцзю. Он больше не говорил, просто смотрел.

У Хо Уцзю едва заметно дернулся кадык. Он взял со стола свою пиалу и залпом осушил её.

— Как же хорошо... Хо Уцзю, — раздался ленивый, наполненный неподдельной теплотой голос принца.

Хо Уцзю посмотрел на него. Цзян Суйчжоу закрыл глаза и поглубже зарылся лицом в рукав, словно маленький зверек, обустроивающийся в гнезде.

— Давно со мной никто так не разговаривал... — его голос превратился в едва различимое бормотание. — Так одиноко было... Хорошо, что ты есть.

В то же время поместье Пан Шао было залито огнями. Свет в окнах не гас до самой глубокой ночи. Пан Шао стоял на веранде, заложив руки за спину. В саду под светом красных фонарей цвела слива «мэйхуа», окутанная теплым розоватым маревом.

— Еще не вернулись? — Пан Шао опустил взгляд на человека, стоявшего перед ним на коленях.

Подчиненный припал к земле, не смея поднять головы.

— Ваш слуга никчемен! — выдохнул он. — Я уже отправил людей на поиски. Сегодня ночью мы обязательно найдем братьев!

Пан Шао сверлил его взглядом, а затем холодно усмехнулся:

— Ты действительно никчемен. Но те остолопы, видимо, еще безнадежнее.

Подчиненный вздрогнул.

Пан Шао медленно выдохнул:

— Не ищи их. К этому часу те, кто мог вернуться, уже бы вернулись.

Голова слуги опустилась еще ниже.

— Иди, прими наказание, — бросил Пан Шао и развернулся к дверям.

— Благодарю великого ситу за милость! Благодарю! — донеслось ему вслед частое битье челом о камни.

Дверь распахнулась, на мгновение осветив двор ярким светом, и тут же закрылась, оставив несчастного во тьме. В комнате несколько чиновников из клики Пана почтительно встали при его появлении. Пан Шао вальяжно опустился в кресло.

— Способный человек, — произнес он. — Раньше я не встречал никого столь одаренного. Сегодня мне довелось расширить кругозор.

Один из чиновников поспешил уточнить:

— Великий ситу, неужели из ваших убийц не осталось ни одного живого свидетеля?

Пан Шао промолчал.

Видя в этом молчании подтверждение, чиновник засуетился:

— Не может быть! Господин, мы все знаем, на что способны ваши люди. Они никогда не знали поражений, а тут — уничтожены все до единого... Кто же это мог быть?!

Пан Шао пристально смотрел на пляшущее пламя свечи.

— Это не было совсем бесполезным, — сказал он. — По крайней мере, это подтвердило мои догадки: за Чжао Дуньтинем следили уже давно, и именно в его доме были подстроены все эти «улики».

— Но раз мы никого не поймали, мы не можем доказать, чьих это рук дело! — воскликнул другой чиновник. — Всё прошло как по маслу, а исполнитель остался в тени, не оставив ни единого следа.

Пан Шао долго молчал, его рука легла на чайную чашку.

— Для догадок доказательства не нужны, — произнес он. — Мне достаточно того, что я сам знаю, кто это.

Его пальцы медленно заскользили по крышке чашки. Он повернул голову, глядя в сторону юга. Там находился квартал Цинхэ.

— Кто с самого начала подливал масла в огонь, кто в итоге остался в выигрыше, и кто тайно мерился со мной силами, затеяв эту вражду... Я прекрасно это понимаю, — медленно проговорил он.

Голос его был ровным, в нем не было слышно ярости, но у присутствующих мороз пробежал по коже. Все поняли, что называть имя он не собирается. Никто не осмелился спросить.

Лишь один осторожно сменил тему:

— Раз великий ситу зрит в корень, нам остается лишь быть спокойными. Но как быть с императором?.. Что нам предпринять?

Весь двор знал, какой гнев обрушил сегодня государь на Пан Шао. Он даже перестал называть его «дядюшкой», впервые на памяти людей обратившись к нему по имени. Все понимали: нынешняя мощь и величие ситу зиждутся лишь на том, что сидящий на троне беспрекословно ему подчиняется.

Пан Шао холодно усмехнулся и приоткрыл крышку чашки.

— Сегодняшнее дело — лишь следствие вражды между Чжао Дуньтинем и Ци Минем. Чжао, пытаясь сгубить учителя, прикрылся моим именем. Это просто факт. Неужели мне нужно учить вас, как преподнести «факты» государю?

Чиновники поклонились, давая понять, что всё уяснили. Пан Шао отпил чаю. Сделав лишь один глоток, он поставил чашку и устался на колышущуюся в ней жидкость.

— Отменный «Лунцзин», собранный до сезона дождей. И так бездарно испорчен при заварке, — сказал он.

Тут же подскочил слуга. Пан Шао со звоном поставил чашку на стол.

— Узнай, кто заваривал. Испортить такой чай... за это нужно платить жизнью.

Цзян Суйчжоу, окончательно захмелев, так и остался лежать на столе. Хо Уцзю подкатил кресло поближе, протянул руку и, обхватив принца за плечо, попытался его поднять. Но тот даже глаз не открыл; лишенный всяких сил, он поддался движению и просто рухнул на грудь генералу. Из положения «лицом в стол» он переместился в положение «щекой к плечу Хо Уцзю».

Хо Уцзю словно парализовало. Всё его тело задеревенело, рука онемела до самого плеча, а в левой части груди будто пропала всякая чувствительность. Слова, которыми он хотел позвать Мэн Цяньшаня, застряли в горле.

Спустя долгое время он медленно опустил голову, глядя на спящего в его руках Цзян Суйчжоу. Свет ламп золотил его ресницы, а губы, влажные от крепкого вина, маняще блестели. Кадык Хо Уцзю дернулся.

В этот момент Цзян Суйчжоу, видимо, почувствовал себя неудобно. Он пошевелился и еще плотнее зарылся в объятия генерала. Неосознанный, тихий стон сорвался с его губ и легким перышком залетел прямо в ухо Хо Уцзю. У генерала вспыхнули уши.

В онемевшей груди вдруг вспыхнуло пламя, мгновенно ударившее в голову. Словно внутри со звоном лопнула какая-то струна. Хватка Хо Уцзю на плече принца чуть ослабла, руки мелко задрожали.

Он вдруг отчетливо осознал одну вещь. У Цзян Суйчжоу, может, и не было на него никаких видов, но вот он сам... Он не сводил глаз с принца. Похоже, он сам не заметил, как в его душе расцвели эти «грязные» помыслы.

Хо Уцзю с детства рос среди мужчин, привык к грубости и дракам, и всегда считал подобные чувства чем-то отталкивающим. Но сейчас в его сердце не было ничего, кроме трепета — того самого робкого чувства, что испытывает путник, вернувшись к родному порогу. У него никогда не было ничего, что бы он по-настоящему любил; ко всему он относился с безразличием.

Он никогда не знал такой неистовой жажды обладания, такой всепоглощающей нежности. Эти чувства нахлынули на него с такой силой, что он, не веря себе, в растерянности почувствовал страх. Оказалось, перед лицом того, что тебе безмерно дорого, любой превращается в труса.

Он сидел, не смея пошевелиться, застыв под светом ламп точно каменное изваяние. Так продолжалось, пока Цзян Суйчжоу снова не шевельнулся.

Лишь тогда Хо Уцзю опомнился — было уже очень поздно. Он посмотрел на дверь, его губы шевельнулись, но он не издал ни звука. Он не читал канонов мудрецов, не знал, что такое «благородство в уединении». Никто не учил его, что в пустой комнате нужно подавлять свои инстинкты и поступать «как должно».

Дракон этой ночью желал сам охранять свое сокровище.

Он отвел взгляд, крепче прижал принца к себе и... встал. Он едва только начал вставать на ноги, каждый шаг давался ему с огромным трудом. Но он — медленно и надежно — нес Цзян Суйчжоу на руках. Подойдя к ложу, он бережно опустил его на свою постель.

В тот миг, когда голова коснулась подушки, Цзян Суйчжоу приоткрыл затуманенные глаза. Увидев Хо Уцзю, он заторможенно, но ласково улыбнулся.

— Хо Уцзю... — его голос был тише шепота.

— Я не позволю тебе убить меня, — пробормотал он.

Будучи мертвецки пьяным, он умудрился выдать генералу свой самый сокровенный страх. Но в шорохе шелковых одежд Хо Уцзю расслышал лишь начало и конец фразы.

«Хо Уцзю... я не позволю тебе умереть», — вот что услышал генерал.